

А. Ю. ЕРМОЛОВ

ТРУДНЫЕ ПУТИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Еще одна книга?

В 2009–2011 гг. вышли три тома обширного труда уральского историка С. В. Устьянцева «Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века»¹, в которых перед нами разворачивается повествование о строительстве и начале работы Уральского вагоностроительного завода, затем о его превращении в танковый завод № 183 и, наконец, о конверсии на заводе, вновь ставшем крупнейшим производителем вагонов.

Трудов по истории промышленных предприятий в библиотеке отечественной науки уже немало. Не обойден вниманием и вагоно- и танкостроительный завод в Нижнем Тагиле. Нужна ли еще одна история предприятия, о котором уже неоднократно писали? Первая книга, посвященная Уралвагонзаводу, вышла еще в 1957². Несмотря на кажущееся обилие трудов, внимательное прочтение историографического очерка, помещенного во введении первого тома, показывает, что история завода все еще нуждается в изучении. Об этом свидетельствует хотя бы печальная история одного из авторов этих трудов, главного конструктора вагоностроительного КБ Д. Н. Лоренцо, явно не последнего человека в административной иерархии, работа которого подверглась жесткой редакции. Устьянцев показывает, как выкручивали руки автору, заставляя убирать из своего труда эпизоды, рассказывающие о трудностях, которые переживало предприятие, о недостатках в его работе, вставляя вместо них рассказы о руководящей роли партийных органов. На фоне этой истории выглядят излишне суровыми претензии Устьянцева к другим авторам, Г. М. Кузьмину и В. И. Костромину, за отсутствие содержательной картины развития завода. Понятно, что если даже такой влиятельный человек, как Лоренцо, не смог добиться права публично выразить свою точку зрения, то менее весомым в административном плане фигурам можно было писать только «журналистскую» версию истории предприятия. Более поздние, постсоветские издания либо носят мемуарный характер, либо являются «представительскими» изданиями, т. е. имеют весьма своеобразный функциональный отпечаток.

¹ Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. 1–3. Нижний Тагил, 2009–2011.

² Гизлер В. Уральский вагоностроительный. Нижний Тагил, 1950.

Между тем в современных условиях возможности для написания работы по истории предприятия широки, как никогда ранее: перестала быть табуированной тема военного производства, забыта обязательная ранее руководящая роль Коммунистической партии, огромные объемы документации рассекречены и в центральных, и в местных архивах. Возможностей у Устьянцева теперь куда больше, чем у его предшественников. Сама тема его труда сохраняет свою важность для отечественной исторической науки. История одного из крупнейших предприятий Советского Союза интересна и сама по себе, и как отражение более широких процессов, проходивших в обществе и экономике в целом. Она позволяет перейти от споров по поводу абстрактных схем к рассмотрению процессов на конкретном материале, проверить на прочность многие мифы и даже устоявшиеся в научной литературе концепции, например, тезис о том, что послевоенное восстановление народного хозяйства воссоздавало уже устаревшую довоенную производственную систему. Все это позволяет по-новому взглянуть на историю развития нашей страны и может быть интересно не только с точки зрения знаний о прошлом, но и как опыт, полезный для настоящего и будущего.

Неизвестные герои индустриализации

В начале истории завода мы видим стандартную схему советской индустриализации: столкнувшись с растущим дефицитом вагонов, руководство страны решило создать новое предприятие по их производству. Проектировщики широко использовали опыт и технологии вагоностроительного производства США, наиболее передового на тот момент. Один из первых цехов завода, цех колес Гриффина, был вообще построен по проекту, подготовленному в США по заказу Амторга. Происходил, казалось бы, хорошо известный процесс трансфера технологии, неоднократно имевший место в истории разных стран. О трансфере западных технологий в СССР писали уже довольно много, начиная от западных советологов времен холодной войны³ и заканчивая современными отечественными исследователями экономической истории США⁴. Но хотя авторы, пишущие на эту тему, весьма отличаются друг от друга, их объединяет общая точка зрения: все они смотрели на проблему со стороны, передающей технологии. Отсюда проистекает некая общая схема, в которой осмысливается происходящее. В ней есть источник света современной индустриальной культуры, который пытается с переменным успехом развеять мрак отсталости и невежества. На этом пути он сталкивается с препятствиями, порожденными как отсталостью культуры принимающей стороны, так и ее неправильным социально-экономическим устройством. Далее иногда этот свет оказывается способен преодолеть мрак, и тогда у советских туземцев что-то получается (обычно для этого туземцам следует наиболее точно повторять действия цивилизованных людей). Иногда не получается и этого.

³ Sutton, A. C. *Western Technology and Soviet Economy Development*. Stanford, 1971.

⁴ Шномов Б. М. *Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества*. М., 2013.

В любом случае фокус внимания авторов сосредоточен на источнике света, а вся местная специфика рассматривается только как препятствие для его проникновения.

В отличие от этих авторов Устьянцев сосредотачивает свое внимание на другой стороне процесса. Его взгляд сфокусирован на принимающей стороне. Он детально исследует, идя в буквальном смысле от цеха к цеху, как осваивались на заводе американские технологии, что этому мешало, а что помогало. Наиболее яркий изученный им пример – история цеха вагонных колес, того самого, который был спроектирован в США и который долгое время был самым слабым местом завода (доля брака в его продукции порой превышала 90%). Казалось бы, именно там зарубежные технологии воспроизводились в наиболее точном виде. Какие же препятствия встали на пути их освоения в данном случае? Оказалось, для их воспроизводства недостаточно простого копирования, пусть даже максимально точного. То, что хорошо работало в США, не обязательно будет работать на Урале, причем вовсе не обязательно потому, что уральский рабочий безграмотен и плохо осваивает передовую американскую индустриальную культуру. Проблемы начинаются с того момента, как выясняется, что каждая технология разработана под определенную среду, в которой она используется, в том числе под местное сырье. А перенося ее в другую среду, вы сталкиваетесь с проблемой адаптации этих технологий. Порой возникают, казалось бы, совсем неожиданные проблемы. Например, уральский чугун содержал примесь меди, что влияло на цвет отливки, из-за чего оказалась неэффективной американская методика проверки качества. И такие проблемы возникали на каждом шагу. Американские консультанты, приглашенные на завод, посоветовали закупать в США сырье и материалы, после чего взяли гонорар и вернулись на родину. Похоже, стандартная схема трансфера технологии провалилась. Реального трансфера по ним не получилось. Надо было искать иные пути.

Собственно, главное содержание первого тома трилогии Устьянцева именно и состоит в рассказе о поиске этих иных путей в разных областях деятельности завода. И на первый план в этом рассказе выходят неизвестные герои индустриализации, те, кто реально создавал советскую индустриальную культуру. Это не высокопоставленные московские чиновники и не стахановцы-рекордсмены и даже не иностранные специалисты-консультанты (хотя и те, и другие, и третьи, конечно, оказывали свое влияние на процесс). В первую очередь это советские технические специалисты и административные руководители нижнего звена (начальники цехов и отделов заводского управления). Именно им в конечном итоге и пришлось решать задачу реального освоения новых производственных технологий. Их незаметная и забытая деятельность, заслоненная в сознании современных исследователей И. В. Сталиным и высокопоставленными фигурами из его окружения, в действительности имела не меньшее, если не большее значение для формирования отечественной индустриальной культуры, чем решения высших чиновников и влияние иностранных консультантов.

Труд Устьянцева хорошо показывает, как много сделала для освоения иностранных технологий отечественная техническая интеллигенция. Удивляет сам перечень советских научных организаций, посылавших своих представи-

телей в помощь Уралвагонзаводу. На предприятии регулярно бывали не только уральские ученые, но научно-технические кадры из Москвы, Ленинграда, даже Брянска. Именно благодаря этим людям, кропотливо работавшим над решением мешающих заводу технических проблем и совершенствованием производственных технологий, стал возможен выход предприятия на мировой уровень технологий. В то же время освоение их путем максимально точного копирования, как это было продемонстрировано историей цеха вагонных колес, оказалось неэффективным.

В буквальном смысле проведя нас по цехам Уральского вагоностроительного завода, автор показывает сложную картину борьбы с многочисленными трудностями освоения передового индустриального производства. И чем больше мы узнаем об их жизни, тем менее парадоксальным выглядит итоговый вывод книги. Да, Уральский завод не оправдал надежд, возлагавшихся на него в 1930-е гг. Но при этом к началу 1940-х гг. он находился на подъеме, более того, с 1939 г. он производил больше вагонов, чем все остальные предприятия отрасли, вместе взятые ⁵.

Другое интересное наблюдение Устьянцева – различие между советской и американской моделью предприятия, которое особенно рельефно проявляется в истории Уралвагонзавода, предприятия, спроектированного по американским стандартам. Американская модель, ориентированная на обширные хозяйственные связи, очень быстро выявила свою неприменимость в условиях СССР. В заключении автор объясняет это тем, что она не могла работать в условиях советского планового хозяйства, отсутствия рынка и особенно организационных барьеров между ведомствами, не заинтересованными в помощи друг другу ⁶. По этой причине завод быстро обзавелся многочисленными вспомогательными производствами. Не отрицая наличия указанных проблем, хотелось бы отметить, что помимо отсутствия рынка были и другие причины. Например, в других местах своей работы (см. ниже) автор указывает, что схожие тенденции прослеживались в уральской горнозаводской промышленности XX в., т. е. данная тенденция никак не могла быть порождена дефектами советского планового хозяйства. Но почему уральские традиции оказались столь живучи и воспроизвелись на новом технологическом уровне? Я склонен здесь указать на несопоставимость плотности населения, развития коммуникаций, длины плеча транспортировки. По всем этим показателям горнозаводской Урал XIX века был куда ближе советскому Уралу 1930-х гг., чем современные ему Соединенные Штаты Америки. А одинаковые условия порождали и схожие решения ⁷.

⁵ Устьянцев. Очерки истории отечественной индустриальной культуры... 2009. Ч. 1. С. 383–385.

⁶ Там же. С. 388.

⁷ См. также: Ермолов А. Ю. Лабиринты индустриализации // Российская история. 2014. № 1.

Урок гражданского мужества

Второй том работы посвящен наиболее прославленному этапу жизни завода, тому времени, когда он из вагоностроительного превратился в танковый и занял первое место в СССР по производству танков. Скрываясь под ничего не говорящим непосвященному названием «завод № 183», предприятие играло огромную роль в работе советской военной промышленности. Детальное исследование жизни и работы этого предприятия крайне важно для понимания истоков победы СССР в Великой Отечественной войне.

Отдельного внимания заслуживает то, как автор показывает личность директора завода № 183 Ю. Е. Максарева. Он предстает перед нами не просто одним из «эффективных менеджеров» советской эпохи, но и человеком большого гражданского мужества. В начале войны он, будучи директором завода № 183 в Харькове, организовал эвакуацию предприятия на Урал, в Нижний Тагил. Здесь он столкнулся с дилеммой. С одной стороны, руководство страны ожидало, что он немедленно возобновит производство танков. С другой, с точки зрения перспективы ведения войны должны были использоваться максимально эффективные производственные технологии. Для организации максимально эффективного производства требовалось время. Можно было пойти по простому пути, организовав стендовую сборку танков. Это дало бы немедленный эффект. Или можно было тратить время, организовывая конвейер. В перспективе это дало бы исключительно высокие результаты. Но второй путь грозил серьезными последствиями для директора, как минимум карьерными. Максареву повезло, что в его случае наказание за невыполнение производственных заданий оказалось сравнительно мягким, его всего лишь лишили поста директора завода, оставив заместителем при новом начальнике. Последнему, И. М. Зальцману, и довелось пожать плоды от роста производства на заводе после того, как танковый конвейер заработал. Впрочем, Максарев тоже не остался забытым и после ухода Зальцмана на повышение вернулся на директорский пост.

Задумываясь о причинах успешной работы предприятия в период Великой Отечественной войны, Устьянцев приходит к выводу:

Наркомат танковой промышленности и Уральский танковый завод № 183 победили потому, что лучше использовали самый бесценный и совершенно невозстановимый ресурс – время. Борьба за экономию секунд, минут и часов шла непрерывно по всем производственным операциям, участкам, цехам и переделам⁸.

По сути вся книга – история этой борьбы. Проходя по цехам и коридорам заводского управления, мы видим, что и как делалось на своем посту каждым работником завода для того, чтобы сократить трудоемкость изделия. Не обходит автор стороной и вопрос о различиях экономических моделей СССР и Германии. В то время как в СССР стремились к максимальному использова-

⁸ Устьянцев. Очерки истории отечественной индустриальной культуры... 2010. Ч. 2. С. 305.

нию производственных мощностей, в Германии ориентировались на максимизацию прибыли. Поэтому здесь имелись перекосы в распределении заказов, оставлявшие значительную часть производственных мощностей плохо используемыми. С этим боролся А. Шпеер, но смог частично преодолеть эту проблему только к концу войны. Это сказывалось и на структуре предприятий. В Германии на танковых заводах в большинстве случаев имелись только сборочные и механообрабатывающие цеха, в то время как в СССР восторжествовал принцип «иметь все свое». Впрочем, здесь уже, по мнению Устьянцева, мы имеем дело с давними традициями, восходящими еще к первым заводам Урала.

В рамках этих уральских традиций автор анализирует и другое явление, которое он обозначает как «патернализм военного времени». В его трактовке это превращение работника «в принадлежность предприятия, такую же, как станок или балка в перекрытии цеха»⁹. Разумеется, тут нельзя отделаться от аналогий из XVIII в., эпохи крепостной мануфактуры, когда большинство работников уральских заводов и вправду были их принадлежностью в самом прямом смысле этого слова. Впрочем, сам автор проводит параллели с военными поселениями второй четверти XIX в. Обратной стороной зависимого положения рабочих была забота завода о материальной составляющей всех сторон жизни его работников. Разумеется, в условиях войны все эти потребности удовлетворялись на минимальном уровне. Остается лишь удивляться терпению и жертвенности прошлых поколений нашего народа.

Конверсия по-уральски

Последний том работы посвящен менее известному периоду в истории страны, чем героические и трагические годы войны и индустриализации. В традициях отечественной исторической науки их принято обозначать термином «Послевоенное восстановление народного хозяйства». Конечно, для появления этого термина были свои веские причины. Действительно, народное хозяйство СССР сильно пострадало во время войны, разрушенные города и заводы требовали восстановления. Но так уж получилось, что наша историографическая традиция, рассматривая этот период именно через призму восстановления разрушенного, стала отодвигать другие сюжеты экономической истории на второй план. И эта тенденция опасна еще и тем, что не позволяет понять, как и за счет чего это восстановление произошло. В числе таких отодвинутых сюжетов оказалась и послевоенная конверсия и реконверсия промышленности. Ей очень не повезло с точки зрения исследований историков, зато очень «повезло» на оценки в их трудах. До сих пор, пожалуй, единственной работой, посвященной этому вопросу в целом, была вступительная статья В. С. Лельчука и М. А. Молодцыгина к сборнику документов о послевоенной конверсии¹⁰.

⁹ Там же. С. 290.

¹⁰ Лельчук В. С., Молодцыгин М. А. Послевоенная конверсия – СССР и «холодная война». М., 1995.

Иногда о конверсии пишут в рамках сюжетов региональной истории. Порой на этом уровне получаются довольно интересные исследования¹¹. Но, к сожалению, не реже встречаются случаи, когда конверсия не просто отходит на второй план, но вообще исчезает из поля зрения автора. При этом возможны даже такие курьезы, как исследование послевоенного восстановления народного хозяйства в отдельном регионе, в котором подробно рассматривается участие Русской православной церкви, но игнорируется конверсия предприятий военной промышленности (хотя их в этом регионе имелось немало). Видимо, не всем историкам кажется очевидной мысль, что никакое восстановление было бы без конверсии невозможно.

Что же касается оценок послевоенной конверсии в исторической литературе, то приходится признать, что цитированное Устьянцевым высказывание Н. К. Сванидзе о том, что возрождение советской индустрии произошло все в том же неэффективном виде, находится в русле отечественной историографии¹². Вот как, например, оценивали послевоенное экономическое развитие российские историки А. А. Данилов и А. В. Пыжиков:

Милитаризация и наращивание военного производства происходили на руинах в прямом смысле этого слова [...] Таким образом, относительно послевоенного периода, скорее всего, правомерно говорить не столько о конверсии, сколько о производственной переориентации в рамках военно-промышленного комплекса¹³.

Выходит странное сочетание: сама проблема толком не изучена, но вердикт своей наука уже вынесла.

Именно поэтому так ценно исследование, которое обращается непосредственно к изучению процесса проведения конверсии на отдельных предприятиях. Действительно ли конверсия была мифом, лишенным реального содержания? Устьянцев на примере одного из крупнейших советских военных заводов показал, что это было совсем не так. Самый мощный советский танковый завод почти полностью свернул производство танков и начал производить вагоны в еще больших масштабах, чем до войны. При этом не произошло простого возврата к предвоенному производству. Опыт массового производства, накопленный в период войны, был широко использован в новых условиях. Вновь возвращается автор и к проблеме социальной инфраструктуры, показывая, как из «патернализма военного времени» формировалась модель взаимоотношений предприятия и работника, предприятия и местных властей, как вокруг предприятия вырастала социальная инфраструктура.

¹¹ Кузнецова Н. В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград, 2002.

¹² Устьянцев. Очерки истории отечественной индустриальной культуры... Ч. 3. 2011. С. 5.

¹³ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С. 108–109.

Микроистория: как это надо делать

В заключение хочется сказать несколько слов о методологии. В целом работа Устьянцева написана очень близко к жанру так называемой «микроистории» (хотя автор, возможно, не согласится с этой моей оценкой). Это направление исторической науки, исходящее из того, что подлинное достоверное историческое знание можно добыть, только опустившись на самый нижний уровень фактов. Там, отрешившись от изначально предвзятых отвлеченных концепций, историк сможет познать истину во всей ее полноте.

К сожалению, далеко не всегда микроисторические исследования следуют заявленному когда-то одним из основоположников направления Джованни Леви тезису о том, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях»¹⁴. Очень часто именно эти мелочи и составляют все содержание исследования, не оставляя места никаким выводам и обобщениям. Изучение мелкого эпизода становится ценностью само по себе, без какого-либо выхода на более высокий уровень. Такой подход заслуживает сожаления, так как ведет к утрате перспективы, а вместе с ней и смысла. Рецензируемая работа как раз представляет собой прямо противоположное. Не будучи заявлена как «микроисторическая», она представляет собой, на мой взгляд, замечательный пример того, как должны делаться такие исследования. Подробно излагая детали самых разных аспектов жизни завода, автор не забывает о целостной картине и умело переходит на уровень выводов и обобщений. Не забыта ни одна важная сторона, в том числе быт рабочих и социальная инфраструктура. Каждый, даже самый мелкий, эпизод деятельности предприятия становится камнем в мозаике его истории, а не в калейдоскопе случайных событий. В результате и сама эта история оказывается тесно связанной с исторической судьбой всей страны. То, как это получилось у Устьянцева, можно считать свидетельством высокого научного мастерства. Надеюсь, научное сообщество обратит внимание на эту весьма интересную в самых разных отношениях работу.

¹⁴ Цит. по: Medick, H. Mikro-Historie // Was kommt nach der Alltagsgeschichte? Göttingen, 1994.